

А. М. ПЛОТНИКОВА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 378.124:81'38

ББК Ч448.042+Ш105.551.12

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ПОЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ¹⁰

Аннотация: В статье рассматривается специфика отображения в речи представлений о несоответствии человека занимаемой им должности, уровня его образования предъявляемым профессиональным стандартам. Категория «профессионализм», «профессиональное мастерство» имеет в языке явно выраженный оценочный характер и реализуется в системе лексических и фразеологических средств. Если положительная оценка профессиональных качеств выражается обычно эксплицитно, то профессиональная некомпетентность характеризуется при помощи сравнений, метафор, иронии и других приёмов не прямой коммуникации. Цели использования таких приемов связаны с желанием говорящего уйти от правовых рисков, а также его стремлением усилить воздействующий потенциал сказанного, найти наиболее эффективные способы убеждения адресата. Помимо сознательного применения в публицистике игровых приёмов, в текстах жалоб в официальные органы, в устной публичной речи обнаруживаются нестандартные способы оценки профессиональных качеств, которые формируют особую конфликтную тональность текстов. Креативные способы оценки профессиональной несостоятельности направлены на дискредитацию лица, формирование негативного социального имиджа, иногда речевые манипуляции являются инструментом коммуникативного садизма. На примерах из судебной практики показаны возможности интерпретации приемов языковой игры, используемых для характеристики профессиональной некомпетентности лица.

Ключевые слова: языковая игра, конфликтная коммуникация, речевая агрессия, оценка, социальные качества лица.

Профессиональные качества и способности человека полу-

¹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты») и Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013-2020 гг. (номер соглашения 02.A03.21.0006).

чают разноаспектную характеристику в лексике и фразеологии русского языка. Человека, качественно выполняющего работу, называют *профессионалом, специалистом, виртуозом, мастером на все руки*. Лингвистически отмеченными являются в языке характеристики профессиональных умений и навыков, стереотипность которых обусловлена их функционированием в жанрах резюме или объявлениях о приеме на работу: *грамотный, квалифицированный, опытный специалист; исполнительный работник; коммуникабельный, инициативный менеджер* и т.д. По данным О.Н. Бабушкиной и Е.И. Головановой, в русском языке обнаружено 227 фразеологических единиц с семантическим компонентом оценки труда [Бабушкина, Голованова 2012: 12].

Если использование не прямых форм коммуникации, в том числе и приёмов языковой игры, для положительной оценки профессиональных качеств можно считать нетипичным способом оценивания работника, то, напротив, некомпетентность человека, его несоответствие занимаемой им должности, отсутствие у него необходимых профессиональных знаний, умений и навыков отображается непрямыми речевыми актами, одна из причин появления которых связана с желанием говорящего или пишущего уйти от правовой ответственности за обвинения в непрофессионализме.

Т.С. Шахматова, анализируя высказывание *«Я требую качественной работы, а не той халтуры, которую вы выдавали раньше»*, произнесенное главным редактором газеты в адрес сотрудника редакции и ставшее предметом судебного разбирательства, отмечает: «С помощью вербальной дискредитации, дискриминации, инсинуации и диффамации может осуществляться травля работника, реализация руководством того или иного предприятия невыгодной репрессивной политики, вынуждение к увольнению, борьба с неугодными и многое другое» [Шахматова 2013: 276].

Институциональный характер общения, в котором один участник характеризует профессиональные качества другого, казалось бы, должен удерживать говорящего от применения инвективной лексики или приёмов речевой агрессии, однако речевая практика свидетельствует об обратном. Так, на оперативном совещании Министерства по управлению государственным иму-

ществом N-ской области министр П. в присутствии всех руководителей департаментов, начальников отделов, заместителей министров высказал в адрес К. следующую фразу: «*К. – присоска на теле коллектива*». Использование окказиональной метафоры позволяет говорящему показать, что К. – это нечто чужеродное, паразитирующее на коллективе, мешающее нормальной работе всего коллектива.

Отрицательная оценка профессиональных качеств не ограничивается констатацией самого факта и оценкой некачественно выполненной кем-либо работы, недобросовестного отношения к своим обязанностям. Иногда трудно провести грань между профессиональными и личными качествами сотрудника, поэтому происходит объединение этих признаков либо перенос личных качеств на профессиональные. Например, в одной из статей написано: «*3. была уволена в апреле 2010 года за некомпетентность на фоне прогрессирующего амбиционизма*». Словосочетание «*прогрессирующий амбиционизм*» включает неузуальное слово «амбиционизм», которое является синонимом зафиксированного в словарях слова «амбициозность». Словосочетание «*на фоне прогрессирующего амбиционизма*» построено по модели конструкций, называющих заболевания человека, например, *на фоне алкоголизма, на фоне прогрессирующего атеросклероза*, где параметрическое слово *прогрессирующий* отнесено к обозначению социального качества, а существительное «амбиционизм» образовано по той же словообразовательной модели, что и алкоголизм [Русская грамматика 1980: 193]. Подобные примеры иллюстрируют развиваемую Т.А. Гридиной концепцию языковой игры как реализацию эвристической функции речемыслительной деятельности, форму лингвокреативного мышления [см.: Гридина 2015].

Одним из распространенных способов указания на несоответствие работника занимаемой им должности является использование сравнения, например, обращаясь к судье, говорящий произносит: «*Вот что здесь написано Вами в решении суда, это может написать только пьяный и под наркотическим воздействием*», «*Это баба деревенская такое решение напишет*» (здесь и далее стилистика текстов сохранена). Одна профессия может сравниваться с другими, обычно не требующими специ-

альной квалификации. Опровергая тезис о равенстве всех профессий, журналист одного из региональных изданий пишет: *«Гуламджан У. по недоразумению занимает в МОВД должность начальника отделения дознания. Вместо поста чабана небольшой отары Моюнкумского животноводческого хозяйства»*. Нарушающее типовую сочетаемость выражение «пост чабана отары» (в русском языке типичным является употребление слова «пост» в значении «ответственная должность») ведет к созданию иронической тональности, язвительного отношения к герою публикации. Полагая выбранное им сравнение удачным, автор продолжает: *«Вот для овец Моюнкумского животноводческого хозяйства доводов Гуламджана У. было бы вполне достаточно»; «Почему чабана взяли на работу?»* Придуманное автором Моюнкумское животноводческое хозяйство также работает на общий гротескный образ ситуации.

Оскорбительная аналогия содержится в тексте жалобы: *«А даме в 102 кабинете с видом кассира платного туалета работать соответственно внешности и не подпускать ее к людям»*. В отличие от приведенного выше примера здесь речь идет не о сознательно выбранной игровой стратегии. Равнодушие к проблемам посетителей, неумение работать с людьми вызывает у автора текста неприязненное отношение, поэтому для указания на несоответствие чиновницы занимаемой должности автор жалобы выбирает в качестве источника сравнения образ кассира платного туалета, выступающего эталоном нечуткости, грубости, равнодушия, нежелания помогать просителям.

Этот пример показывает, что, помимо случаев осознанного использования языковой игры, в текстах жалоб, в устной речи возникают такие смыслы, которые могут быть условно квалифицированы как «наивная» креативность, когда говорящий, в чем-то уподобляясь художнику-примитивисту, дает словесную характеристику профессиональной личности, отчасти имитируя газетные штампы, а в чем-то импровизируя в рамках заданного речевого жанра, например: *«Быть судьей в арбитражном суде обязывает лицо, занявшее это место, иметь мужество, чтобы быть способным восстановить поправленные гражданские права. Многие же халатные особи этого не понимают, а существуют лишь для распечатки стандартной отписки и получения*

денег в кассе суда, как судья Иванова. Я не могу доверять рассмотрение своего искового заявления лживой тунеядствующей (филонящей) номенклатуре». В отдельных случаях говорящий переходит грань разумной критики должностного лица, используя враждебно-неуважительную тональность, навешивая ярлыки и нарушая этико-речевые нормы, например: «Судья М. позволила себе войти в зал судебного заседания в неряшливом, неопрятном виде, опять не застегнут ворот мантши. Под мантией надето что-то нательное, не совсем стиранное. С какой целью судья М. пришла в судебное заседание в таком же виде? Под мантией должны быть честь и совесть. Совесть нараспашку не может быть»; «Я бы на месте судьи М. написал рапорт о добровольной отставке, плотно свернул его в трубочку и проткнул височную часть головы, за которой нет ничего – ни ума, ни совести, ни чести». Такие случаи можно квалифицировать как глумление и проявление коммуникативного садизма.

Профессиональная некомпетентность связывается в сознании многих с невысоким образовательным уровнем человека, не позволяющим ему добросовестно выполнять свои обязанности. Пожалуй, чаще другого поводом для игрового переосмысления становится наличие заочного образования, качество которого вызывает у пишущего сомнения, например: «Я... имею музыкально-ведческое фундаментальное образование, чего не имеет Виктор Иванович... У него какое-то там заочное околосвященное театроведческое образование». В другом одновременная реализация двух значений слова «заочный» в высказывании служит средством создания намеренной неоднозначности: «Всю жизнь заочник. Заочно учился, заочно работал... Кроме того, большую часть своего трудового стажа В., хоть и числился подручным сталевара и сталеваром, работал освобожденным от должности проформом. Вот и получается, что и образование, и работа были заочными. Таким же заочным, для галочки, похоже, является и его депутатство...».

Несмотря на то, что категория «профессиональное мастерство» по своей сути оценочна, для представителей некоторых профессий существуют более или менее четкие критерии оценивания. Например, для оценки деятельности хирурга в одной из статей использована пространственная метафора: «Есть из-

вестное выражение, что у каждого хирурга есть свое персональное кладбище. Так вот у Л. на этом кладбище могил – за горизонт».

Во многих других профессиях критерии, позволяющие оценить профессиональный уровень, достаточно субъективны. Даже авторитетные специалисты, чьи заслуги получили признание, периодически подвергаются жестокой критике, а их оппоненты зачастую утверждают, что кто-либо недостойн полученного научного звания, необоснованно стал обладателем первой премии, незаслуженно выиграл грант и т.д. Например, режиссер документальных фильмов оспаривал в суде по делу о защите деловой репутации информацию, изложенную в следующем фрагменте: *«В программах, посвященных профилактике сиротства, нет ни грамма художественности. Нет в них также профессиональной начитки и нормального сценария. Это просто набор синхронизации с наложенной на них музыкой».* Очевидно, что данный иск не был удовлетворен судом, поскольку понятие «художественности» не может быть описано через систему формализованных признаков.

В то же время прямое указание на профессиональную непригодность может стать поводом для признания фактологического характера информации: *«...кто там участвует, это просто профнепригодны, этот комплекс ортопедических упражнений, который называют танцем на сцене, вы извините меня, абсолютно не нужно работать в театре и достаточно несколько раз сходить в разные театры, в том числе в Большой, в наш оперный театр и посмотреть, как действительно должны люди танцевать».*

Субъективно-оценочный характер носит заголовок другого текста *«Ненормативная Петрова»* (фамилия изменена), в котором нарушение сочетаемости прилагательного «ненормативный» служит целью наведения смысла: нарушающая установленные нормативы. Можно предположить, что для реализации семантики нормативной оценки автор намеренно использует это прилагательное, обладающее богатым ассоциативным шлейфом и вовлекающее в круг переосмысления другие контексты: *ненормативные слова, ненормативные правовые документы, ненормативные решения.* В другом случае говорящий оценивает профессиональную деятельность истца,

признавая её неудовлетворительной: «*В.С. не проходит испытание на профессионализм*».

Как элемент языковой игры, связанный с речевыми импликациями, в текстах о профессиональной некомпетентности используется ирония, например, в статье, в которой говорится о том, что сотрудники полиции ищут преступников, хотя их имена, фамилии, должности всем хорошо известны: «*Завидуйте, Холмс, Пуаро и Мегрэ в придачу с Жегловым! Это дело вам точно не по зубам – слишком запутанное. Раскрыть эти мудрёные схемы, выйти на след этих дерзких злоумышленников и обезвредить их под силу лишь полицейским нашей эпохи. К счастью расследованием занимаются настоящие профи из отделения полиции...*». Автор как будто бы приписывает превосходные профессиональные качества, прибегая к прецедентным именам литературных детективов и используя в названии статьи прецедентное высказывание «Следствие ведут знатоки». Несответствие буквального и подразумеваемого смысла сказанного служит средством создания «мистификации», которая, по выражению О.П. Ермаковой, и лежит в основе создания иронии [Ермакова 2011].

Таким образом, креативные способы оценки профессиональной несостоятельности направлены на дискредитацию лица, формирование негативного социального имиджа и характеризуются, безусловно, более высокой воздействующей силой, чем прямые обвинения в некомпетентности, особенно в том случае, если мастерство словесной игры и изящество игровой установки не нарушают этические и правовые нормы.

ЛИТЕРАТУРА

Бабушкина О.Н., Голованова Е.И. Словарь английских и русских фразеологизмов, отражающих оценку профессиональной деятельности. – Челябинск: Энциклопедия, 2012.

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова как основе лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. – 2015. – 3 (25). Москва.

Ермакова О.П. Ирония и её роль в жизни языка. – М.: Флинта-Наука, 2011.

Русская грамматика. /Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. Т. 2.

Шахматова Т.С. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155, кн. 5. – С. 267-278.

© Плотникова А.М., 2016